

Как и некогда могущественный граф Эссекс Кромвель...

— Не ожидал увидеть вас здесь, ваше сиятельство, — лепетал титулярный епископ, голос его дрожал, звучал слабо и прерывисто.

— Я прибыл по приказу короля, чтобы проверить, как живёт его светлость герцог, — Рафаэль неспешно подошёл к епископу. На лице его играла привычная улыбка, но во взгляде таилось нечто, отчего становилось не по себе. Он протяжно продолжил:

— И вот, едва ступив на порог, становлюсь свидетелем такого «заботливого» отношения. Так вы обычно «опекаете» его светлость?

— Нет-нет, это недоразумение, чистое недоразумение! — Титулярный епископ обливался потом, настаивая, что всё произошедшее — ошибка, и клялся больше не болтать лишнего. — Я просто пошутил... нет, не шутка... я сказал не то. Моя вина. Как бы ни было трудно, мы сами справимся. Я пришёл лишь с просьбой: не соизволит ли его светлость оказать нам честь и посетить церковь? Мы создали витраж с изображением его величества, но не уверены, насколько он соответствует реальности. Все мы согласны, что его светлость лучше всех знает благочестивый облик короля, и потому хотели бы, чтобы он взглянул.

— Трудно? — Рафаэль приподнял бровь, многозначительно произнёс это слово, но не стал дальше давить. От имени Августа он принял приглашение, затем позвонил в золотой колокольчик у руки герцога. Вошедшему старому дворецкому было ясно дано понять: гостю пора. Чашки чая не предложили.

Выйдя из замка, епископ едва держался на ногах. Шагая по ковру длинного коридора, он словно ступал по вате. Лишь в карете немного пришёл в себя.

— Вы сделали это нарочно, не так ли? — обратился он к дворецкому.

Иначе как объяснить, что старик, всегда строго следивший за герцогом, сегодня вдруг так «любезно» устроил их уединённую беседу?

На этот раз дворецкий даже не стал притворяться почтительным. Он бросил на епископа презрительный взгляд. Конечно, нарочно. Разве не очевидно? Как бы он ни хотел защитить юного господина, он понимал: будучи всего лишь дворецким, может он не так много. Поэтому, хоть и против желания, пришлось временно положиться на помощь Рафаэля.

Внезапно из ниоткуда выскочил глупый олень Бэмби и с яростью бросился на епископа. Тот, не смея больше пикнуть, захлопнул дверь кареты и умчался.

Глупыш остался в недоумении, некоторое время преследуя экипаж, пока тот не скрылся за подъёмным мостом. Тогда он вернулся к дворецкому. В больших, ясных глазах читалось явное непонимание: почему гость уехал? Он ведь ещё не поиграл с ним. Внешне — олень, но нравом — вылитый хаски, Бэмби был настоящим любителем внимания. Кто бы ни появился, он всегда бросался вдогонку, словно это увлекательная игра, как в Оленьем парке.

Но до сих пор остановиться и поиграть с глупым оленем соглашался лишь один человек — Август.

Дворецкий неправильно истолковал намерения Бэмби и с радостью погладил его по голове.

— Молодец.

Он решил вечером угостить любимца герцога чем-нибудь вкусным. А о том, что держать мясного оленя в качестве питомца могут осмеять, уже и не думал. У кого ещё найдётся такой преданный зверь?

В замке Август, стоя у окна, наблюдал, как епископа напугал Бэмби, и смеялся до слёз.

Рафаэль же обратился к нему:

— Церковь не выделяет ни копейки. В чём же, спрашивается, трудности?

Ранее, занимаясь городской канализацией, Рафаэль уже слышал слухи и размышлял, как помочь Августу очистить земли от нахлебников. И вот титулярный епископ сам явился на порог.

— Ни копейки?!

Хотя Август предоставлял рабочую силу, строительство церкви всё равно требовало огромных средств. Обычно деньги должны были поступать от церковных священников. Но учитывая жадность и скупость епископа, он явно не собирался раскошелиться.

— У него есть веское оправдание: деньги забрал король. Теперь он всю собирает «пожертвования», чтобы наполнить свой карман. Для этого строительства он привлёк немало богатых купцов города.

Между приходами всегда шла конкуренция, и щедрые верующие были одним из главных ресурсов. Бристоль, как портовый город, привлекал множество купцов и пиратов, разбогатевших на морской торговле.

— А епархиальный епископ ничего не делает? — Август помнил, что епископ Бристоля был человеком доброго нрава.

— Слишком добрый нрав — не всегда благо. — Рафаэль знал о нём: молодой человек, излишне идеалистичный, но, по крайней мере, добросердечный. Увы, он не мог справиться с коварным титулярным епископом и сам оказался в беде из-за его интриг. Сейчас он отсутствовал в Бристолье, уехав отчитываться, и неизвестно, вернётся ли.

В церкви были и коррупционеры, и честные люди. Но, как и в этом скверном обществе, хорошим всегда доставалось от плохих.

Итак, Рафаэль постучал костяшками пальцев по твёрдой обложке книги.

«Этот прогнанный мир лучше бы исчез», — подумал он.

Мягкое, тёплое прикосновение прервало его размышления. Он поднял голову и увидел, как Август бросился к нему, уткнувшись лицом в грудь, по-детски жалуясь, но при этом упрямо отрицая это.

— Что случилось? — спросил Рафаэль с улыбкой.

Август не осмелился сказать, что испугался внезапно помрачневшего взгляда Рафаэля, и пробормотал:

— Спасибо тебе. Без тебя меня бы наверняка обманули.

Он решил, что надо срочно проверить, сколько денег у него выманили в прошлом, пока он был глуп.

Рафаэль улыбнулся, наклонился и поцеловал Августа в лоб с невероятной нежностью.

— Если ты так благодарен... выучи ещё несколько слов!

Лицо Августа сразу же вытянулось.

Но Рафаэль, напротив, повеселел. Ах, мир всё же не стоит уничтожать. Ведь что тогда станет с этим милым Олом?

— Мой Ол.

— М-м? — Август наклонил голову. — Что?

— Ничего. — Просто приятно называть тебя так. Наконец-то ты в пределах досягаемости.

«...»

Вечером Рафаэль, как и обещал, пришёл в спальню Августа, чтобы проконтролировать чтение на латыни.

Август не ожидал, что тот явится всерьёз, ведь днём он занимался не слишком усердно. Вернее, старался, но явно не до уровня, которого требовал Рафаэль.

Рафаэль, когда-то высмеянный за акцент, а затем ставший образцом безупречного аристократического произношения, считал, что все его достижения — плод жёсткой дисциплины. Можно назвать это перфекционизмом и одержимостью: даже малейшая погрешность в произношении была недопустима и требовала сотни повторов.

Август же предпочитал называть такое самоистязанием. Теперь же Рафаэль взялся истязать его.

— Стоп. Буква С здесь не произносится, — снова прервал его Рафаэль. — Понимаю, тебе трудно избавиться от привычек английского и французского произношения, но ты должен это сделать. Ладно? Не знаю, что тебе говорил твой учитель латыни. Возможно, он считал, что достаточно уметь читать латинскую Библию и «Записки о Галльской войне» Цезаря. Ведь латынь нынче в основном для академических текстов, на ней почти не говорят. Но если ты даже слова читать не умеешь, как ты проникнешь в суть языка?

После своего «перемещения» Август, хотя и заговорил автоматически по-английски, внутренне оставался приверженцем китайского подхода: читать и понимать — да, говорить — необязательно.

Что ж, Август даже на экзаменах высоких баллов не набирал, но суть в том, что в произношении он всегда предпочитал идти по пути наименьшего сопротивления.

Честно говоря, он до сих пор считал, что Рафаэль излишне придирается. Он прочёл целый длинный отрывок, а Рафаэль застрял на произношении одного-единственного имени.